

Се Синьцзянь торопливо вытер залитый им журнальный столик и лишь спустя пару минут немного справился с неловкостью.

— Учитель Ли, зачем вы этим пользуетесь?.. — с легким упреком пробормотал он.

— Увидел рекламу, показалось любопытным, вот и решил опробовать, — ответил Ли Вэньсю.

Синьцзянь промолчал.

«Вам-то, может, и любопытно, а у меня от смущения земля из-под ног уходит».

К счастью, больше Ли Вэньсю не стал вызывать голосового помощника, просто попросив колонку включить музыку. Остерегаясь новых двусмысленных фраз от умного устройства, Синьцзянь торопливо перевел тему:

— Вы ведь хотели провести сеанс? Я готов, можем начинать.

Ли Вэньсю кивнул, поднялся и сел на диван рядом с ним. Синьцзянь недоуменно взглянул на него.

— А где... пантера? — удивился юноша.

Помолчав мгновение, Ли Вэньсю ответил:

— С моей способностью возникли неполадки. Я пока не могу принимать облик черного леопарда.

— Это серьезно? — встревожился Синьцзянь.

— Терпимо.

— А сеанс получится провести?

— Да.

Синьцзянь откинулся на спинку дивана, расслабил плечи и произнес:

— Что ж, я готов.

Он прикрыл глаза, ожидая привычного касания, но время шло, а вокруг царил тишина.

— Учитель Ли? — Синьцзянь недоуменно распахнул глаза.

Ли Вэньсю все так же сидел с безупречно прямой спиной и неспешно спросил:

— Тебе нужно подготовиться?

Синьцзянь опешил.

— Раз пантера не может появиться, придется мне самому, — спокойно добавил Ли Вэньсю.

Сам Ли Вэньсю?... То есть он собирается вылизывать его, как это делал леопард?!

У Синьцзяня глаза на лоб полезли. Он мгновенно вжался в самый дальний угол дивана.

Ли Вэньсю поднялся, слегка отступая назад, и ровным голосом произнес:

— Тогда отложим.

— Не надо! — вырвалось у Синьцзяня. — Я просто... не успел настроиться. Дайте мне пару минут прийти в себя.

Ли Вэньсю опустил взор:

— Не стоит себя принуждать.

— Я не принуждаю! — Синьцзянь замахал руками. — Две минуты. Дайте мне всего две минуты.

Не сказав ни «да», ни «нет», Ли Вэньсю развернулся и вышел на балкон, давая юноше возможность остаться наедине с собой.

Синьцзянь сжался в клубок, обняв колени руками. Он сидел, взъерошенный и напуганный, до крайности похожий на прижавшего уши котенка.

«Да как так-то?! Скорость просто бешеная! Я едва смирился с ласками хищника, а тут его место занимает сам Ли Вэньсю?! За две минуты к такому в жизни не подготовишься!»

Но и отменять сеанс нельзя: раз Ли Вэньсю даже не способен призвать духовного зверя, его

состояние куда тяжелее, чем казалось.

«Ладно... Будем считать, что это вроде искусственного дыхания».

Глубоко вздохнув, Синьцзянь с решимостью утопленника заставил себя взять эмоции под контроль.

Поэтому, когда Ли Вэньсю вернулся в гостиную, его взору предстал Синьцзянь, сидевший ровно, с преувеличенно серьезным и исполненным решимости лицом. Впрочем, стоило мужчине сделать шаг ближе, как юноша вздрогнул. Ли Вэньсю невольно вспомнил Сяо Хэя, когда тот только появился в его доме и пугался любого шороха.

— Готов? — подошел ближе Ли Вэньсю.

— Готов, — Синьцзянь кивнул с таким видом, будто собрался на эшафот.

— К чему такая суровость? — с тихим полусмешком откликнулся Ли Вэньсю, присаживаясь рядом. Разряжая обстановку, он спросил: — Ты давно здесь?

Синьцзянь, отвлекшись от паники, подсчитал:

— Четырнадцать дней. Почти полмесяца.

— Уж так долго?

— Угу. Первые сцены требовали пасмурной погоды, мы долго ждали подходящих условий. — Синьцзянь бросил взгляд за окно, где небо затянуло свинцовыми тучами. — Вы приехали в самый раз. Говорят, через пару дней закрутит тайфун, так что мы как раз успеем отснять сцену первой встречи Бай Цзинняня и Тан Фэна.

— Завтрашняя сцена... — Ли Вэньсю легким смешком сменил тон, вспомнив что-то. — Кажется, там предполагается обнажение?

Синьцзянь постарался сохранить непринужденную мину и спросил:

— А вам раньше приходилось сниматься в откровенных сценах?

— В картине «Во сне не ведаю, что в гостях», — немного подумав, ответил Ли Вэньсю. — Но не полностью. На мне тогда оставалась хотя бы повязка.

Синьцзянь помнил этот фильм. Ли Вэньсю играл Ли Юй, последнего правителя Южной Тан —

классическая, душераздирающая трагедия. Финальный эпизод изображал отравление государя. Ли Юй к тому моменту исполнилось сорок; в древности люди старели рано, и Ли Вэньсю наложили возрастной грим. Его тело в кадре выглядело изможденным, бледным, но пронизанным болезненной, изысканной красотой. Тот эпизод стал культовой классикой в нарезках его ролей.

История брала за душу слишком сильно: горечь падения государства сплеталась с личной безысходностью, оставляя тяжелое послевкусие. Одно лишь воспоминание о той сцене отзывалось у Синьцяня легкой грустью.

Внезапно его левой кисти касалось что-то мягкое и теплое. Синьцянь вздрогнул и опустил взгляд: Ли Вэньсю сжал его руку своей правой ладонью.

— Такой уровень контакта допустим? — раздался тихий голос мужчины прямо над ухом.

Ладонь Ли Вэньсю была явно крупнее, с отчетливыми узловатыми суставами и проступающими венками. От места их прикосновения волнами исходило сухое, непрерывное тепло. В том, как переплелись их пальцы, сквозила необъяснимая, тонкая двусмысленность.

Нахлынувшая было меланхолия моментально улетучилась, уступив место какому-то мягкому, уютному чувству. Синьцянь отвел взгляд и едва заметно кивнул:

— Да... так нормально.

— Поговорим еще немного?

— Давайте.

Однако Ли Вэньсю не стал продолжать разговор. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным шумом прибора за окном. Мысли Синьцяня перепутались. Все его существо сосредоточилось на левой руке.

Горячо.

Ли Вэньсю всегда казался сдержанным и холодным, но его ладонь буквально пылала. У самого Синьцяня кровь тоже была горячей, и теперь, стоило им соприкоснуться, жара лишь прибавилась.

Синьцянь судорожно сглотнул и смущенно попытался высвободить пальцы. Стоило ему едва шевельнуться, как Ли Вэньсю моментально разомкнул хватку. Юноша замер. Подобная деликатность показалась ему даже чрезмерной. Поколебавшись мгновение, он сам вложил ладонь обратно в руку актера.

Синьцянь почувствовал, как Ли Вэньсю на долю секунды застыл. Решив, что поступил слишком смело, юноша уже хотел убрать руку, но в следующий миг пальцы мужчины сжались с еще большей силой. Горячие ладони снова прижались друг к другу, отдавая жаром, пока кожа не стала слегка влажной...

Черт. До Синьцяня только сейчас дошло: у него что, вспотели руки?!

В этот момент в воздухе снова прозвучало короткое: «Сяо Синьсинь». Синьцянь уже собрался взвиться от возмущения, но колонка опередила его, отозвавшись готовностью.

— Понижь температуру кондиционера до двадцати четырех градусов, — произнес Ли Вэньсю.

— Не буду, — капризно зацедила колонка. — Проси вежливо!

Ли Вэньсю промолчал.

— Сяо Синьсинь! — не выдержал Синьцянь, пригрозив устройству с закипающим гневом. — Поставь двадцать четыре градуса!

Повисла двухсекундная пауза, после чего глупое устройство запричитало:

— У-у-у, ты такой грубый! Я с тобой не дружу!

Синьцянь готов был сквозь землю провалиться. Какой бес попутал его согласиться на запись этих унижительных реплик?!

— Ах ты железка... — сквозь зубы процедил юноша, порываясь встать, чтобы выключить бесполезный прибор.

— Сяо Синьсинь.

Но едва он дернулся, Ли Вэньсю нажал на его руку, увлекая назад, и Синьцянь рухнул обратно на диван. Не успел он опомниться, как прямо у самого уха раздался бархатный шепот Ли Вэньсю:

— Пожалуйста.

У Ли Вэньсю был обволакивающий, глубокий, невероятно красивый голос — в сети до сих пор гуляли сотни фанатских нарезок, посвященных исключительно его тембру. И сейчас этот завораживающий голос прозвучал над самым ухом Синьцяня. И хотя слова предназначались колонке, кончики ушей юноши мгновенно вспыхнули.

— Хорошо-о, — мгновенно сменила гнев на милость колонка. — Устанавливаю температуру на двадцать четыре градуса.

В комнате стало прохладнее, но Синьцяню казалось, будто его бросило в еще больший жар.

— Видишь, довольно забавная штука, — с тихим смешком заметил Ли Вэньсю.

Синьцянь сгорал от смущения. Уткнувшись взглядом в пол, он пробормотал:

— Ничего не забавная. Сяо Синьсинь — набитая дура.

— Что?! Ты назвал меня душой?! — с обидой отозвалось устройство. — Раз я дура, давай проверим тебя! Назови мне четвёртое слово на букву «Д»!

Через пару секунд колонка с торжеством застрекотала:

— Замялся? Ха-ха-ха! Вот и сам не умнее!

Синьцянь потерял дар речи. Бесполезная железка.

— Ну полно, не спорь с ней, — Ли Вэньсю слегка провел подушечкой пальца по его ладони. — Сосредоточься.

Синьцянь смущенно кивнул и, желая показать свою собранность, чуть сильнее сжал его ладонь. Прикосновение пылающей кожи снова заставило жар хлынуть к его щекам.

— Почему у тебя так пылают уши? — скользнув взглядом по его мочке, тихо спросил Ли Вэньсю. — Все еще жарко?

Синьцянь качнул головой, в горле у него пересохло:

— Да нет... норма.

— Ниже температуру делать нельзя, подхватишь простуду, — проговорил Ли Вэньсю. — Потерпи немного.

Синьцянь поджал губы, ничего не ответив.

— Продолжим?

Юноша кивнул.

Едва он выдохнул согласие, как в то же мгновение над ним нависло сильное тело. Ли Вэньсю подался вперед, увлекая Синьцяня в объятия.

Синьцянь замер, чувствуя, как бешено заколотилось сердце. Попад в кольцо его рук, юноша застыл в неловкой позе: за внешним оцепенением скрывался трепет, с которым он ожидал каждого следующего движения мужчины.

Ли Вэньсю прижался к нему всем корпусом. Его левая рука властно обняла Синьцяня за поясницу, а правая плавно скользнула за шею, притягивая ближе. До Синьцяня снова донесся знакомый древесный аромат, который теперь, смешиваясь с солоноватым дыханием моря, превращался во что-то душное, пьянящее.

Положив подбородок на плечо Ли Вэньсю и глядя за окно на свинцовые тучи, юноша почувствовал сушь в горле и невольно сглотнул.

— Непривычно? — приостановившись, шепнул Ли Вэньсю.

Уткнувшись лицом в его грудь, Синьцянь еле слышно сознался:

— Есть немного...

Вне съемочной площадки он отродясь никого не подпускал к себе так близко. Подобно ребенку, отнятому в раннем детстве от матери и вновь оказавшемуся в теплых руках, он чувствовал лишь растерянность и смутный страх.

— Извини, — запнулся Ли Вэньсю и спустя пару мгновений тихим голосом добавил: — Кажется, теперь я уже не смогу остановиться.

Синьцянь не сразу осознал смысл этих слов.

— То, что я сделаю дальше, может показаться чересчур смелым, — нежно прошептал мужчина.
— Считай это репетицией к съемкам.

В следующую секунду Ли Вэньсю уткнулся лицом в его шею.

Синьцянь замер, вытаращив глаза, боясь сделать хоть один вздох.

Кожа восемнадцатилетнего юноши была чистой, упругой и теплыми волнами излучала свежесть. Прикрыв глаза, Ли Вэньсю жадно вдохом втянул этот запах у самой его шеи.

Они находились настолько близко, что Синьцянь отчетливо слышал каждый шорох дыхания. Он чувствовал, как воздух наполняет легкие Ли Вэньсю, как приподнимается его грудная клетка, а затем горячий выдох опаляет чувствительную кожу на шее...

Это горячее прикосновение заставило юношу вспыхнуть до корней волос. Мысли смешались в сплошной туман, и он бессознательно вцепился пальцами в ткань пиджака мужчины.

Будто приняв этот жест за негласное согласие, Ли Вэньсю крепче сжал объятия, притягивая его так плотно, что между их телами не осталось и миллиметра. Опасная близость испугала Синьцяня; он попытался отстраниться, но Ли Вэньсю навалился сверху, оттесняя его назад. Синьцянь заваливался все ниже, пока не оказался полностью распростерт на диване. В следующую секунду мужская ладонь перехватила оба его запястья и зафиксировала их над головой.

Поза была до предела двусмысленной и опасной. В голове юноши набатом забили тревожные колокола.

— Учитель Ли... — попытался он упереться свободной рукой, голос его задрожал. — Наверное... уже достаточно?

Ли Вэньсю не откликнулся. Ладонью он без труда вернул пытавшегося подняться Синьцяня обратно на подушки. Мужчина возвышался над ним, глядя сверху вниз темными, бездонными, как ночное море, глазами.

В этот миг Синьцянь понял все без слов.

Внешняя сдержанность, маскирующая непреклонность, властный, не допускающий возражений взгляд и непривычная, жесткая сила в каждом движении... Все это говорило лишь об одном: ничего еще не окончено.

Для Ли Вэньсю сеанс только начинался.

<http://bllate.org/book/19727/1985706>